

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 83-О09-40СП

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего – судьи Лутова В.Н.

судей – Похил А.И., Шмаленюка С.И.

при секретаре Алиеве А.И.

рассмотрела в судебном заседании от 30 сентября 2009 года кассационное представление государственных обвинителей и кассационную жалобу потерпевших К [REDACTED], А [REDACTED], Г [REDACTED]

на приговор Брянского областного суда с участием присяжных заседателей от 26 мая 2008 года, которым

ШУРПАЧ А [REDACTED] К [REDACTED] [REDACTED]
обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных ст. 105 ч. 2 п.п. «а,б,е,ж», 112 ч. 2 п. «г», 167 ч. 2, 222 ч. 3 УК РФ,

оправдан за непричастностью к совершению преступлений.

Этим же приговором за непричастностью к совершению преступлений, предусмотренных ст.ст. 105 ч. 2 п.п. «а,б,е,ж», 112 ч. 2 п. «г», 167 ч. 2, 222 ч. 3 УК РФ оправдан Трукшанин С [REDACTED] Н [REDACTED]

Заслушав доклад судьи Похил А.И., выступление прокурора Митюшова В.П., поддержавшего доводы кассационного представления и полагавшего приговор отменить, направив дело на новое судебное рассмотрение, возражения Шурпача А.К., выступившего в режиме видеоконференц-связи и адвоката Шитикова Ф.Е. об оставлении кассационного представления и кассационных жалоб потерпевших без удовлетворения, судебная коллегия

у с т а н о в и л а :

в кассационном представлении и дополнении к нему государственные обвинители Лачко И.И. и Цыганок Г.Л. ставят вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, допущенными в ходе судебного разбирательства, которые повлияли на объективность решения, принятого судом присяжных.

В обоснование довода указывают о несоблюдении требований ст. 258 ч.2,3; 334, 335 ч. 6,7, 336 ч. 2 УПК РФ, выразившихся в том, что в ходе судебного следствия подсудимые и их защитники в присутствии присяжных заседателей неоднократно ставили под сомнение законность и допустимость исследованных с участием присяжных заседателей доказательств.

Так, в ходе допроса свидетеля Ф. [REDACTED] адвокат Шитиков прокомментировал его показания, сказав «они не совсем точные, Вы говорили, что ничего не видели!». Допрашивая в судебном заседании свидетеля обвинения П. [REDACTED], защитник Шитиков задал ей вопрос: «Вы не хотите говорить или Вас кто-то попросил не говорить?». Этот вопрос был явно направлен на то, чтобы поставить под сомнение правдивость показаний свидетеля П. [REDACTED] перед присяжными заседателями. После ответа свидетеля П. [REDACTED] на следующий вопрос Шитиков заявил: «Ваша честь, здесь же явные противоречия в показаниях!», хотя до этого вопрос о противоречиях в показаниях неоднократно выяснялся у свидетеля.

Когда обвинением представлялись коллегии присяжных заключения взрывотехнических экспертиз, защитники неоднократно заявляли в присутствии присяжных заседателей, что обвинение представляет доказательства не в полном объеме, в результате чего у присяжных сложилось необоснованное мнение о том, что обвинение скрыло от них важную информацию, содержащуюся в этих доказательствах. В последствии это позволило защитнику Панкратову, выступая в судебных прениях, поставить под сомнение достоверность этих доказательств обвинения.

В ходе допроса эксперта С [REDACTED] защитники неоднократно задавали ему вопрос об однородности тротила, обнаруженного на брюках Шурпача, и изъятого с места взрыва, хотя из заключения экспертизы усматривается, что такой вопрос экспертам не задавался. Так, адвокат Шитиков задал вопрос: «Принадлежит ли тротил к одной партии?». Затем адвокат Панкратов спросил: «Однородно ли обнаруженное на брюках вещество с изъятым на месте происшествия?». На вопросы защиты С [REDACTED] отвечал, что такое исследование не проводилось, т.к. вопрос следователем не ставился. Считают, что защита не вправе была выяснять эту информацию в присутствии присяжных заседателей, поскольку она не относится к тем фактическим обстоятельствам уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными. Адвокат Панкратов в прениях вновь довёл до сведения присяжных, что идентичность взрывчатых веществ не была установлена экспертом, так как такой вопрос ему не ставился следователем.

Допрашивая свидетеля обвинения К [REDACTED], адвокат Панкратов заявил: «Я вижу, что Вы лукавите». Очевидно, что это было сделано с целью дискредитировать показания свидетеля перед присяжными заседателями.

В ходе допроса сотрудника УБОП С [REDACTED] адвокат Шитиков в нарушение требований закона задавал вопросы о виновности лица, которому не предъявлено обвинение по настоящему делу. Он задал вопрос: «почему не привлечён к ответственности К [REDACTED]?». Возвращался к этому вопросу он и в прениях.

Подсудимый Шурпач в присутствии присяжных заседателей заявил, что на свидетелей оказано давление со стороны обвинения. Разъяснений о том, чтобы присяжные не принимали во внимание услышанную информацию, от председательствующего по поводу заявления Шурпача присяжным сделано не было.

Когда допрашивался свидетель С [REDACTED], Шурпач заявил, что тот заставлял его дать признательные показания.

Судом было ограничено право обвинения на предоставление доказательств по делу. В частности, обвинением было заявлено ходатайство об исследовании перед присяжными заседателями протоколов осмотров трупов К [REDACTED] и Г [REDACTED], однако председательствующий разрешил огласить указанные доказательства не в полном объёме, в результате чего присяжные не получили полной информации о последствиях взрыва и тех телесных повреждениях, которые были причинены погибшим.

Считают, что на формирование мнения присяжных заседателей повлияли и неоднократные высказывания стороны защиты, направленные на то, чтобы вызвать жалость к подсудимым. Так, выступая со вступительным словом, адвокат Панкратов заявил, что доказательств вины подсудимых нет, а их отправят на эшафот. Протест обвинения, заявленный в связи с тем, что смертная казнь в настоящее время не применяется в Российской Федерации, был необоснованно отклонён председательствующим. В прениях адвокаты неоднократно напоминали присяжным, что они будут решать вопрос жизни и смерти подсудимых.

Указывают, что на протяжении всего судебного следствия защита прибегала к негативной оценке действий гособвинителей в присутствии присяжных заседателей.

Адвокат Панкратов в присутствии присяжных заседателей давал негативную оценку ведению допроса стороной обвинения. Так в ходе допроса свидетеля Ш[] [] адвокат Панкратов, протестуя против поставленного вопроса, заявил, что «так не положено задавать вопросы», затем потребовал от председательствующего в присутствии присяжных разъяснить прокурору, чтобы она не делала нравоучений свидетелю. Председательствующий отклонил протесты защитника, однако, несмотря на это последний продолжал давать оценку работе прокурора, вступил в перепалку с председательствующим, игнорируя его призывы к соблюдению порядка в судебном заседании. Видя такое поведение адвоката и его пренебрежение к председательствующему, подсудимый Трукшанин заявил о том, что они, то есть подсудимые, являются по делу потерпевшими. На протяжении всего судебного следствия адвокаты постоянно давали оценку действиям обвинителей. Так при допросе подсудимого Шурпача А.К. адвокат Панкратов, возражая против поставленного вопроса, заявил, что «прокурор настаивает на ответе, который ей нужен». Вопрос потерпевшей А[] адвокат Панкратов в присутствии присяжных назвал глупым. Попытки обвинителя устранить причины противоречий в показаниях подсудимого Шурпача адвокат Панкратов умышленно в присутствии присяжных называл давлением на подзащитного.

Действия председательствующего, пытавшегося призвать адвоката к порядку, вызывали возмущение и формировалось негативное отношение к стороне обвинения и судье. Такое поведение стороны защиты оказало воздействие на присяжных, и вызвало у них жалость к подсудимым, как к «жертвам» судебной системы.

Стороной защиты постоянно ставился под сомнение протокол предыдущего судебного заседания.

Заведомо зная, что процедурные вопросы разрешаются в отсутствие коллегии присяжных, адвокат Шитиков в присутствии присяжных заявил ходатайство о признании недопустимым доказательством показания свидетеля обвинения К [] как основанных на слухах, тем самым, дал оценку доказательству как недостоверному. Разрешив ходатайство защиты по существу и признав показания К [] допустимым доказательством, председательствующий не разъяснил присяжным, что представляемое стороной обвинения доказательство соответствует требованиям закона.

В процессе рассмотрения дела стороной защиты в присутствии присяжных заседателей неоднократно поднимался вопрос о похищении подсудимых сотрудниками милиции с территории []

Так свидетель защиты Ш [] – мать подсудимого Шурпача сначала в ходе её допроса стороной обвинения сообщила присяжным о том, что её сын был похищен. Так же Ш [] обвинила в причастности к похищению подсудимых государственных обвинителей. Исходя из её заявления, у присяжных могло сложиться мнение о заинтересованности прокуроров в исходе дела и их необъективности, ввиду причастности к похищению подсудимых. Полагают, что данные заявления, несмотря на их абсурдность, повлияли на формирование у присяжных негативного отношения к стороне обвинения, и как следствие вызвало сочувствие к подсудимым.

В присутствии присяжных заседателей Шурпач в ходе допроса свидетеля Б [] заявил, что последний участвовал в его похищении, в ходе допроса подсудимого Шурпач повторно заявил о похищении, о недозволенных методах ведения следствия, о нахождении в период следствия в подвале, требовал найти настоящих преступников. Объясняя противоречия в своих показаниях, Шурпач сообщил присяжным о том, что в [] он находился 15 дней, и все эти дни на территории [] он числился без вести пропавшим. Адвокат Шитиков, в нарушение требований закона, называл подсудимых в присутствии присяжных «собратями по несчастью».

В ходе допроса подсудимого Шурпача адвокат Панкратов просил своего подзащитного дать оценку показаниям свидетелей обвинения. Несмотря на то, что сторона обвинения возражала против постановки такого вопроса, подсудимый Шурпач довёл до сведения присяжных, что считает показания свидетелей обвинения ложными, путанными и данными по чьей-то просьбе.

Вопреки запрету исследовать в присутствии присяжных процедурные вопросы защитник Панкратов трижды пытался выяснить вопросы задержания Шурпача, его доставления в [] ГРОВД, обнаружения на джинсах следов тротила. Шурпач довел до сведения присяжных о том, что выемка его

джинсовых брюк, на которых впоследствии были обнаружены следы тротила, производилась без следователя. Таким образом, Шурпач сообщил присяжным о якобы имевшем место нарушении закона при выемке брюк, то есть доказательстве стороны обвинения, которое уже было доведено до сведения присяжных. Председательствующий остановил Шурпача, однако не довёл до сведения присяжных, чтобы они не принимали его высказывание при вынесении вердикта.

Выступая в прениях, адвокат Панкратов вновь напомнил присяжным, что подсудимые были похищены. Он сказал, что «они находились в [] до тех пор, пока загадочным образом не исчезли, их родители много искали, и увидели много лжи».

В ходе прений стороны сторона защиты говорила о недопустимости исследованных доказательств, неполноте судебного следствия, давала оценку качеству работы оперативных сотрудников, следователя и государственных обвинителей, подвергала сомнению профессионализм экспертов, проводивших взрывотехнические и химические экспертизы.

Сторона защиты внушала присяжным, что показания свидетелей под псевдонимами «П []», «И []», «З []», «Ф []» не отвечают требованиям закона и не заслуживают никакого доверия, только потому, что показания ими были даны в условиях, исключающих их визуальное наблюдение.

В выступлении адвокат Панкратов сказал: «Таким образом, мы с вами стоим перед дилеммой о том, кому верить: тем, кто в зале открыто сказал, что на месте совершения преступления никого не было перед взрывом и после него, либо тем, кто спрятал свое лицо и голос, и посеял в наших душах сомнения».

В выступлении адвокат Шитиков сказал: «Так как же можно осудить человека за преступление, за которое предусмотрено пожизненное лишение свободы, только по сомнительным показаниям свидетелей, по которым в силу секретности их данных нельзя даже провести проверку на предмет, были ли они вообще в тот день в []? Невозможно проверить, а не находятся ли анонимные свидетели с Трукшаниным в неприязненных отношениях, не являются ли они близкими родственниками потерпевших. Не имеется возможности проверить их психическое состояние, склонность к галлюцинациям. Как такое возможно? Человек попадает в суд на основании фактически анонимных показаний и ему грозит пожизненное лишение свободы. Если сегодня признать что этих доказательств достаточно, что будет завтра, кто из нас окажется на месте подсудимого?. Как же тогда будут раскрываться преступления – взять человека из другого города, найти пару так называемых свидетелей, засекретить их, и – готово дело – человек пожизненно за решеткой».

В то же время ст.278 ч.5 УПК РФ установлено, что при необходимости обеспечения безопасности свидетеля суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение участниками судебного разбирательства.

Таким образом, показания свидетелей, полученные таким способом, не являются ущербными по сравнению с показаниями, данными свидетелями в условиях их визуального наблюдения. Адвокаты же постоянно давили на то, что свидетели, «замаскировавшись», могли наговорить все что угодно, в то время как те также предупреждались судом об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Согласно закону все доказательства равны, никакое доказательство не имеет заранее установленной силы. Сторона защиты в нарушение данного принципа уголовного судопроизводства присяжным заседателям, доказывала, что эти доказательства являются недостоверными и им нельзя верить. Никаких разъяснений на этот счёт, председательствующий присяжным не дал.

Выступая в прениях, адвокаты искажали существо представленных присяжным заседателям доказательств, и ссылались на материалы, которые не исследовались в суде и не являлись доказательствами по делу.

Адвокаты неоднократно сообщали присяжным искаженную информацию о том, что в справке поисковой системы [REDACTED] указано, что 17, 18, 19 февраля на имя Шурпача билеты не приобретались. В то же время из вышеуказанной справки следует, что билет на имя Шурпача на 18 февраля не приобретался. И содержащаяся в справке информация полностью соответствует другим доказательствам о том, что билет на имя Шурпача был приобретен на 19 февраля.

Показания свидетеля К [REDACTED] адвокатом Панкратовым также были искажены. Так он пояснил, что свидетель К [REDACTED] с 20 часов до взрыва находился возле дома спорта, и что свидетель давал такие показания на предварительном следствии. Однако как усматривается из протокола того же судебного заседания, свидетель К [REDACTED] давал разные показания на следствии и в суде. В ходе предварительного следствия он пояснял, что приехал на площадку где-то за 7 минут до взрыва. Эти показания в связи с противоречиями перед присяжными были оглашены. Таким образом, адвокат довел до сведения присяжных недостоверную информацию.

Адвокат Шитиков искажил показания эксперта, якобы сообщившего, что взрывное устройство могло быть прикреплено к днищу автомобиля, в то время как эксперт во время допроса это исключил.

Адвокат Панкратов полностью искажил существо заключений взрывотехнических экспертиз, при этом основал свои умозаключения на изученной им лично специальной литературе. То, что ему стало известно в ходе прочтения на досуге, он довел в судебном заседании присяжным заседателям. В нарушение требований ст.336 ч.3 УПК РФ адвокат Панкратов в прениях ссылался как на доказательство на «методические рекомендации учёных по осмотру взрывов, организации проведения технической экспертизы, признанных авторитетов Ц [] и Ш [], изданные в 1983 году», цитировал выдержки из него относительно времени и условиях сохранения тротила на одежде. Председательствующий не остановил адвоката и не разъяснил присяжным, чтобы они не принимали во внимание услышанную информацию при вынесении вердикта. Получилось так, что действительно есть пособие, которое опровергает в корне выводы исследованной экспертизы, и только потому, что адвокат на него сослался в прениях – ему следует доверять. Считаем это нарушение со стороны адвоката Панкратова грубейшим нарушением УПК РФ, оказавшим воздействие на принятие присяжными решения.

Желая опорочить заключения экспертов как доказательства обвинения, адвокат Панкратов просил присяжных учесть, что «эксперты, которые делали заключение, имеют один педагогическое образование, а другой медицинское, и только после проведенных курсов они стали специалистами по взрывотехнике. У одного 10 лет экспертного стада, а другого только 1 год».

Адвокат Панкратов заявил, что заявил, что взрывчатка, по его мнению, находилась не в том месте, где установили эксперты, выезжавшие на место происшествия, исследовавшие вещественные доказательства и материалы дела.

Кроме этого адвокат Панкратов сообщил присяжным, что для экспертизы помимо джинсовых брюк Шурпача, у него на предмет обнаружения следов тротила были взяты ногтевые срезы и смывы с рук. В то же время в судебном заседании ни одной из сторон не исследовались протоколы изъятия образцов для сравнительного исследования – смывов с рук и срезов ногтевых пластин и адвокат не вправе был ссылаться на доказательства, не исследованные в судебном заседании.

Давление на присяжных стороной защиты оказывалось на протяжении всего судебного следствия путём укоров и упреков в присутствии присяжных в адрес гособвинителей, правоохранительных структур, следователя. В судебных прениях адвокаты стали просто внушить страх присяжным заседателям, говоря о том, что с правоохранительными органами лучше вообще не связываться. Адвокаты заявляли: « Защита предполагала еще ряд свидетелей, но чтобы не загружать процесс, не затягивать его, мы решили ограничиться. Дело

нервозное, и люди боялись быть привлечены, и боялись той или иной ответственности».

«Также я хочу пояснить, почему многие наши свидетели не приезжали, мы же не могли дать команду «фас» или приказать кому-то доставить, применив административные ресурсы... Я не могу обязать свидетелей явиться в суд, так как они боятся репрессий со стороны органов власти...».

Подсудимый Шурпач заявил: «Если я всё начну говорить, то половину нашей доблестной милиции надо пересажать...».

Согласно требованиям закона в прениях стороны должны приводить доказательства виновности или невиновности подсудимых, обосновывать свои выводы, причем в рамках предъявленного обвинения и тех фактических обстоятельств, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями.

Высказывая обвинения в адрес правоохранительных органов адвокат Панкратов подчеркнул перед присяжными, что в суде он находится «по зову сердца», работает бесплатно по назначению суда, а прокуроры выполняют поручение.

Вопреки требованиям закона адвокат Панкратов довёл до сведения присяжных, что «вердикт, вынесенный в первом судебном заседании, и постановленный приговор был отменён Верховным Судом РФ, а второе судебное заседание было признано незаконным...».

Государственные обвинители также указывают на нарушение закона при формировании коллегии присяжных заседателей, в том числе при разрешении мотивированных отводов сторон. Необоснованно считают что был удовлетворен мотивированный отвод стороны защиты кандидатов М [REDACTED] [REDACTED] Г [REDACTED] К [REDACTED] [REDACTED] по тому основанию, что у них имеются родственники, имеющие отношение к МВД. В то же время кандидаты В [REDACTED] [REDACTED] К [REDACTED] [REDACTED] при таких же обстоятельствах председательствующим были оставлены и включены в коллегию.

Считают, что присяжный заседатель № [REDACTED] не мог принимать участие в рассмотрении уголовного дела по следующим основаниям.

Формирование коллегии присяжных заседателей в соответствии со ст.328 УПК РФ осуществляется путём освобождения кандидатов в присяжные заседатели от участия в рассмотрении дела после разрешения вопросов об их отводах и самоотводах, а также составления списка оставшихся кандидатов. При этом председательствующий опрашивает кандидатов в присяжные заседатели о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в качестве

присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела. Присяжный заседатель обязан правдиво отвечать на задаваемые вопросы, представлять необходимую информацию о себе.

В ходе формирования коллегии присяжных заседателей председательствующим всем кандидатам был задан вопрос: кто имеет ранее судимых близких родственников (супруг, родители, дети, в том числе усыновленные, родные братья, сестры, внуки). Кандидат в присяжные заседатели К [] [] пояснила суду, что проживает с сыном []. Каких-либо сведений, которые могли бы поставить под сомнение ее объективность, она не сообщила.

К [] [] была включена в основной состав коллегии присяжных заседателей под номером [] и приняла участие в вынесении вердикта.

Вместе с тем в настоящее время стороне обвинения стало известно, что присяжный заседатель № [] К [] [] представила суду недостоверную информацию о себе, скрыв сведения о судимостях сына. Установлено, что сын К [] [] – М [] [] [], [] года рождения, был дважды судим: 1) 27.05.1999 года по ст.228 ч.1, 228 ч.3 п. «в»; 2) 09.09.2002 года по ст.166 ч.2 п. «а» УК РФ. Кроме того, 30.09.2002 года уголовное дело в отношении него по ст.112 ч.2 п. «д» УК РФ было прекращено за примирением сторон. Данные факты подтверждаются копиями приговоров, требованием ИЦ УВД [] о судимости. Когда на стадии формирования коллегии выяснялся вопрос о наличии ранее судимых близких родственников, К [] о том, что ее сын был ранее судим, не сообщила.

Между тем, если бы сторона обвинения располагала информацией об этих обстоятельствах на стадии формирования коллегии присяжных заседателей, то обязательно бы воспользовалась правом мотивированного отвода, а в случае отказа – безмотивного отвода этого кандидата.

Также считают, что председательствующим были допущены нарушения ст.345 УПК РФ. Вердикт присяжных заседателей содержал неясности и противоречия в части их ответа на первый вопрос вопросного листа. Они заключаются в том, что присяжные на вопрос о доказанности события преступления ответили, что оно не доказано за исключением взрыва. Вместе с тем стороне обвинения не ясен ответ на этот вопрос. Вероятнее всего присяжные признали недоказанным само событие преступления, согласившись с версией защиты, изложенной в прениях, о самоподрыве автомобиля К [], который ездил со взрывчаткой в машине. А может они имели в виду, что событие преступления, как результат чьих-то преступных действий, имело место, но не доказано, что это преступление было тщательно подготовлено организованной преступной группой, заинтересованной в смерти К [] из-за его профессиональной деятельности, и совершено лицами, прибывшими [] при обстоятельствах, изложенных в обвинительном

заключении. В первом случае суд должен был оправдать подсудимых, ввиду неустановления события преступления. Во втором, ввиду непричастности подсудимых. Председательствующий же самостоятельно выбрал второй вариант, в том время как должен был в соответствии со ст.345 ч.2 УПК РФ возвратить коллегию в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист. Этого сделано не было, в связи с чем признать постановленный вердикт ясным и понятным нельзя.

В кассационной жалобе потерпевшие К [REDACTED], А [REDACTED], Г [REDACTED] ставят вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение, ссылаясь на допущенные в судебном заседании нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлияли на объективность решения, принятого присяжными заседателями.

Указывают, что сторона защиты в присутствии присяжных заседателей ставила под сомнение допустимость и законность получения доказательств, представленных стороной обвинения.

Адвокат Панкратов В.А. в присутствии присяжных заседателей высказал своё мнение, якобы основанное на изучении специальной литературы, о том, что взрывное устройство находилось внутри салона автомобиля и тротил не мог в силу своих свойств на момент проведения экспертизы находиться на джинсах Шурпача А. При этом он ссылаясь не на доказательства по делу, а на методические рекомендации, которые в суде не исследовались. Председательствующий не остановил адвоката и не предупредил присяжных о том, чтобы эти высказывания они не принимали во внимание и, чтобы это не оказало влияния при вынесении вердикта. Также он сообщил присяжным заседателям об образовании экспертов и их стаже работы. Мы считаем, что это адвокат Панкратов В.А. сделал намеренно. Он поставил под сомнение компетентность экспертов и правильность сделанного ими заключения по взрыву. Эти действия адвоката Панкратова В.а. оказали сильнейшее влияние на решение присяжных заседателей. Особенно это видно по ответу присяжных на первый вопрос.

В прениях адвокаты при присяжных искажённо трактовали представленные доказательства. Давали негативную оценку работы государственных обвинителей, следователя, оперативных работников.

Защитники достаточно часто выясняли у свидетелей, при каких обстоятельствах у них брали показания. При этом до сведения присяжных доводились оперативно-розыскные мероприятия, что недопустимо.

При допущении вышеуказанных и подобных нарушений со стороны адвокатов председательствующий не останавливал их и не разъяснял присяжным, что это принимать во внимание ими нельзя.

Подсудимые и их родственники перед присяжными неоднократно говорили о том, что их похитили с территории [REDACTED].

Такое поведение со стороны защиты было направлено на то, чтобы вызвать жалость к подсудимым и негативное отношение к стороне обвинения со стороны присяжных.

Адвокаты систематически ставили под сомнение объективность председательствующего.

В возражении на кассационное представление Шурпач, считая приговор законным и обоснованным, а доводы кассационного представления несостоятельными, в частности по вопросу незаконности состава коллегии, просит приговор оставить без изменения.

Проверив материалы дела, судебная коллегия находит приговор в отношении Шурпача подлежащим отмене, а дело направлению на новое судебное рассмотрение.

В соответствии со ст. 381 УПК РФ основанием отмены приговора кассационной инстанцией являются такие нарушения уголовно-процессуального закона, которые путём лишения или ограничения гарантированных уголовно-процессуальным законом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путём повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Согласно ч. 2 ст. 381 УПК РФ основанием к отмене судебного решения, в любом случае, является незаконный состав суда.

Как видно из протокола судебного заседания, при формировании коллегии присяжных заседателей, в соответствии с ч. 3 ст. 328 УПК РФ председательствующим было разъяснено кандидатам в присяжные заседатели об обязанности их правдиво отвечать на задаваемые вопросы, представляя необходимую информацию о себе, о судимости близких родственников, о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела.

Кандидат в присяжные заседатели под № [REDACTED] К [REDACTED] [REDACTED], при выяснении председательствующим данных о судимости близких родственников, не сообщила о том, что её сын М [REDACTED] [REDACTED], [REDACTED] года рождения, был дважды судим: 1) 27.05.1999 года по ст. 228 ч. 1, 228 ч. 3 п. «в»; 2) 09.09.2002 года по ст. 166 ч. 2 п. «а» УК РФ. Кроме того, 30.09.2002 года уголовное дело в отношении него по ст. 112 ч. 2 п. «д» УК РФ было прекращено за примирением сторон.

К [] была включена в состав коллегии присяжных заседателей под № [] и приняла участие в вынесении вердикта.

Таким образом, в состав коллегии присяжных заседателей было включено лицо, не сообщившее данные о судимости её сына, проживающего с нею. По этим основаниям судебная коллегия считает незаконным состав коллегии присяжных заседателей по данному уголовному делу и согласно п. 2 ч. 1 ст. 379 УПК РФ, это обстоятельство является основанием к отмене приговора.

Кроме того, допущены и другие нарушения норм уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела, которые указаны в доводах государственных обвинителей и потерпевших, и обоснования этих доводов, как они изложены в кассационных представлениях и кассационной жалобе потерпевших, соответствуют данным протокола судебного заседания.

Так, в нарушение требований ч. 7 ст. 335 УПК РФ, сторона защиты в присутствии присяжных заседателей ссылалась на обстоятельства, которые не исследовались в судебном заседании: выяснялся вопрос относительно принадлежности тротила к одной партии; делались ссылки на методические разработки и на протоколы изъятия смывов с рук и ногтевых пластин, несмотря на то, что указанные данные в судебном заседании не исследовались и не являлись доказательствами по делу (т. 18 л.д.249).

В нарушение требований ч.2,3 ст. 336 УПК РФ, сторона защиты неоднократно ставила под сомнение допустимость доказательств, исследованных в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей и признанных председательствующим судьёй допустимыми.

В ходе допроса свидетеля Ф [] адвокат Шитиков заявил, что показания «не совсем точные (т. 16 л.д. 166).

Свидетелю П [] адвокат задал вопрос: «Вы не хотите говорить или Вас кто-то попросил не говорить». (т. 16 л.д. 174).

Свидетелю К [] адвокат Панкратов заявил: «Я вижу, что Вы лукавите?». (т. 17 л.д. 9).

У свидетеля С [] адвокат Шитиков выяснял, почему не привлечён к ответственности по данному делу К [] (т. 17 л.д. 128, т. 18 л.д. 267).

Подсудимый Шурпач в присутствии присяжных заседателей заявил, что на свидетелей оказано давление со стороны обвинения, а также сказал, что свидетель С [] заставлял его дать «признательные показания». (т. 17 л.д. 129).

Подсудимый Шурпач в присутствии присяжных заседателей заявил, что считает показания свидетелей ложными, путанными, данными по чьей-то просьбе (т. 17 л.д. 407).

Стороной защиты в присутствии присяжных заседателей, высказывались отрицательные данные относительно стороны обвинения.

Подсудимый Шурпач и адвокат Шитиков заявляли об оказании давления на свидетелей со стороны обвинения (т. 17 л.д. 106, 156).

При допросе государственным обвинителем подсудимого Шурпача адвокат Панкратов сказал: «прокурор настаивает на вопросе, который ей не нужен».

При допросе стороной обвинения свидетеля Шурпача адвокат Панкратов заявил, что «Так не позволено задавать вопросы» (т. 17 л.д. 173).

Адвокат Панкратов потребовал от председательствующего разъяснить прокурору, чтобы она не делала «нравоучений свидетелю» (т. 17 л.д. 180).

Вопрос потерпевшей А [] заданный подсудимому Шурпачу, адвокат Панкратов назвал «глупым вопросом» (т. 18 л.д. 18).

При допросе прокурором свидетеля Ш [] – матери подсудимого, последняя, указав рукой на государственных обвинителей, заявила, что они (Лачко и Цыганок) украли её сына и увезли из [] в [] (т. 18 л.д. 181).

Вопреки требованиям ст. 335 УПК РФ, согласно которой процедурные вопросы должны разрешаться в отсутствии присяжных заседателей, адвокат Шитиков в присутствии присяжных заседателей заявил ходатайство о признании недопустимым доказательством показания свидетеля К [] сославшись в обоснование своих доводов на обстоятельства, влияющие на оценку этого доказательства с точки зрения его достоверности (т. 18 л.д. 106).

В присутствии присяжных заседателей стороной защиты неоднократно указывалось о похищении подсудимых с территории [] (т. 18 л.д. 4,11,65,18).

Подсудимый Шурпач указал на свидетеля Б [], как на участника его похищения (т. 17 л.д. 105-106).

Стороной защиты выяснялись у свидетелей – работников милиции обстоятельства, связанные с проведением оперативно-розыскных мероприятий, вопросы задержания и доставления Шурпача в милицию.

В соответствии со ст. 292 УПК РФ и с учётом особенностей, указанных в ч. 2 ст. 336 УПК РФ, прения сторон с участием присяжных заседателей проводятся лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями.

Однако, в нарушении указанных норм закона в судебных прениях сторона защиты ссылалась на ряд обстоятельств, выходящих за пределы вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями.

Сторона защиты ссылалась на недопустимость доказательств, признанных председательствующим допустимыми.

Так, сторона защиты поставила под сомнение показания свидетелей, допрошенных в судебном заседании под псевдонимами «П[]», И[] З[], Ф[]», признанных председательствующим допустимыми доказательствами, как «не заслуживающие внимания», исходя только из того, что указанные лица дали показания в условиях, исключающих их визуальное наблюдение.

Давая оценку показаниям свидетелей под псевдонимами «П[] Ф[], З[], И[]» адвокат Панкратов заявил: «Таким образом, мы с вами стоим перед дилеммой о том, кому верить: тем, кто в зале открыто сказал, что на месте совершения преступления никого не было перед взрывом и после него, либо тем, кто спрятал своё лицо и голос, и посеял в наших душах сомнения».

Адвокат Шитиков сказал: «Так как же можно осудить человека за преступление, за которое предусмотрено пожизненное лишение свободы, только по сомнительным показаниям свидетелей, по которым в силу секретности их данных нельзя даже провести проверку на предмет, были ли они вообще в тот день в []? Невозможно проверить, а не находятся ли анонимные свидетели с подсудимым в неприязненных отношениях, не являются ли они близкими родственниками потерпевших. Не имеется возможности проверить их психическое состояние, склонность к галлюцинациям. Как такое возможно? Человек попадает в суд на основании фактически анонимных показаний и ему грозит пожизненное лишение свободы. Если сегодня признать, что этих доказательств достаточно, что будет завтра, кто из нас окажется на месте подсудимого? Как же тогда будут раскрываться преступления – взять человека из другого города, найти пару так называемых

свидетелей, засекретить их, и — готово дело — человек пожизненно за решёткой».

Между тем, в соответствии с положением ст. 278 ч. 5 УПК РФ в целях обеспечения безопасности свидетеля законом предусмотрен такой порядок допроса свидетеля.

Сторона защиты в судебных прениях, давая оценку правоохранительным органам, указывала, что с ними «лучше вообще не связываться». «Защита предполагала ещё ряд свидетелей, но чтобы не загружать процесс, не затягивать его, мы решили ограничиться. Дело нервное, и люди боялись быть привлечены, и боялись той или иной ответственности» (т. 18 л.д. 251)

«Также я хочу пояснить, почему многие наши свидетели не приезжали, мы же не могли дать команду «фас» или приказать кому-то доставить, применив административные ресурсы... Я не могу обязать свидетелей явиться в суд, так как они боятся репрессий со стороны органов власти... (т. 18 л.д. 265).

Подсудимый Шурпач заявил: «Если а начну говорить, то половину нашей доблестной милиции надо пересажать».

Противопоставляя свою позицию перед позицией стороны обвинения, адвокат Панкратов заявил перед присяжными заседателями, что ему никто не платит, в суде он находится «по зову сердца», работает по назначению суда, а прокуроры выполняют поручение (т. 18 л.д. 262).

Вопреки требованиям уголовно-процессуального закона адвокат Панкратов довёл до сведения присяжных, что «вердикт, вынесенный в первом судебном заседании, и постановленный приговор был отменён Верховным Судом РФ, а второе судебное заседание было признано незаконным...» (т. 18 л.д. 263).

В судебных прениях стороной защиты допускались искажения существа выводов заключений взрыво-технических экспертиз и показаний эксперта.

Давая оценку заключениям указанных экспертиз и ставя под сомнение их выводы, адвокат Панкратов сослался на методические разработки и протоколы изъятия смывов с рук и ногтевых пластин, которые не являлись предметом исследования в судебном заседании (т. 18 л.д. 249).

Адвокат Шитиков, приводя показания эксперта, якобы сообщившего, что взрывное устройство могло быть прикреплено к днищу автомобиля, в то время как эксперт в своих показаниях исключил это обстоятельство (т. 18 л.д. 255).

Давая оценку заключениям эксперта, как доказательству адвокат Панкратов указал на профессиональные качества экспертов, заявив: «Один имеет педагогическое образование, а другой медицинское, и только после проведённых курсов они стали специалистами по взрывотехнике. У одного 10 лет экспертного стажа, а у другого только 1 год» (т. 18 л.д. 263).

Адвокат Панкратов во вступительном слове заявил, что доказательств вины подсудимых не имеется и указал об отправлении их на «эшафот» (т. 16 л.д. 23).

В судебных прениях он заявил, что присяжные заседатели будут решать вопрос «жизни и смерти» подсудимых (т. 18 л.д. 250).

Адвокат Шитиков называл подсудимых «собратьями по несчастью» (т. 18 л.д. 102).

Таким образом, при рассмотрении данного уголовного дела были допущены существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона, выразившиеся в том, что в присутствии присяжных заседателей стороной защиты ставились под сомнение законность и допустимость доказательств, признанных председательствующим допустимыми доказательствами; у свидетелей выяснялись обстоятельства, связанные с проведением оперативно-розыскных мероприятий; в ходе судебных прений сторона защиты ссылалась на неполноту судебного следствия, давала оценку качеству работы оперативных сотрудников и государственных обвинителей, подвергала сомнению профессиональные качества экспертов, искажала существо представленных присяжным заседателям доказательств, ссылаясь на неисследованные в судебном заседании материалы, не являющимися доказательствами по делу.

Председательствующий не всегда реагировал на такие нарушения и не доводил до сведения присяжных заседателей, что они не должны принимать к сведению услышанные высказывания.

Более того, адвокат Панкратов прерывал председательствующего, вступал с ним в пререкания, заявляя о необъективности председательствующего (т. 18 л.д. 111, 117, 265).

Судебная коллегия считает, что указанные обстоятельства оказали незаконное воздействие на присяжных заседателей, что повлияло на содержание их ответов на поставленные перед ними вопросы.

Руководствуясь ст.ст. 377, 378, 388 УПК РФ, судебная коллегия, -

определила:

приговор Брянского областного суда с участием присяжных заседателей от 26 мая 2008 года в отношении Шурпача А. [REDACTED] К. [REDACTED] и Трукшанина С. [REDACTED] Н. [REDACTED] отменить и дело направить на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд.

Председательствующий (подпись) – Лутов В.Н.

Судьи (2 подписи) – Похил А.И., Шмаленюк С.И. [REDACTED]

Верно: судья Верховного Суда РФ [REDACTED]

Похил А.И.